

ГНОСЕОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ, МОДЕЛЬ ЭВОЛЮЦИИ СЕМАНТИКИ

EPISTEMOLOGY OF CULTURE, A MODEL OF THE EVOLUTION OF SEMANTICS

M. Strigin

Summary. The paper gives a new view on the topology of culture. Three ontologically different layers and categories of culture are described: modernism, postmodernism and antimodernism. A model is proposed that shows how these layers interact with each other. For this purpose, the semantic space is introduced, where epistemology defines "geometry", which is cultural knowledge, and epistemology defines its existence, explicating semantic processes. Within the framework of this model, it is shown that philosophy forms a single context, clarifying and deep semantic "bursts" of modernity and their "straightening" by postmodern contradictions caused by the tension of semantic "splash" and internal "Brownian vortices" of antimodernism, which do not change the "topology" of semantics. It is shown that the paradoxes of modernism are revealed with the expansion of the context, with the explication of the transcendental. On the example of poetic texts the empirical part of the work is presented, where the samples of postmodernism and anti-literature as a kind of antimodernism are demonstrated.

Keywords: system, philosophy, context, modernism, postmodernism, antimodernism, anti-literature.

Стригин Михаил Борисович

К.ф.-м.н., Южно-Уральский Государственный

Университет

strigin69@rambler.ru

Аннотация. В работе дан новый взгляд на топологию культуры. Описаны три, онтологически различных слоя, категории культуры: модернизм, постмодернизм и антимодернизм. Предложена модель, в которой показано, как эти слои взаимодействуют друг с другом. Для этого вводится семантическое пространство, где эпистемология определяет «геометрию», сущее культурного знания, а гносеология её бытие, эксплицируя семантические процессы. В рамках этой модели показано, что философия формирует единый контекст, проясняя и глубокие семантические «всплески» модерна, и их «спрямление» постмодернистскими противоречиями, вызванными напряжением семантического «всплеска» и внутренние «броуновские вихри» антимодернизма, не изменяющие «топологии» семантики. Показано, что парадоксы модернизма, раскрываются при расширении контекста, при экспликации трансцендентального. На примере поэтических текстов представлена эмпирическая часть работы, где продемонстрированы образцы постмодернизма и антилитературы, как разновидности антимодернизма.

Ключевые слова: система, философия, контекст, модернизм, постмодернизм, антимодернизм, антилитература.

Гносеологическая модель

С самого начала, как человек начал рефлексировать, появились первые основания культуры. Они требовались, чтобы как-то защититься от навалившегося всей своей «массой непонятности» универсума и начать доверять тому, что он имеет какую-то упорядоченность. Первые основания эксплицировались в виде мифотворчества, которое затем преобразовалось в поэзию и науку [15]. В истории известно множество переломных моментов, когда менялись научные или религиозные парадигмы, когда происходила пересборка культуры вплоть до её оснований. И каждый раз традиция долго сопротивлялась, пытаясь удержать созданное веками. Точно также происходит борьба организма за выживание, когда силы иммунитета борются с вирусом за спасение организма. Но выживший организм, преображённый вирусом (иммунитет качественно изменился), становится более устойчивым и в этом онтологический смысл вируса, его бытийственная функция. Переносим эту метафору на культуру, обозначим новую идею, переведённую в имманентное состояние, поверхностным возбуждением, подобно заражению вирусом кожи, когда оно ещё незаметно и назовём её модернизмом (все гениальные идеи на первом этапе

незаметны). Поверхностные семантические эффекты, связанные с воспалением, назовём постмодернизмом «идеи, напротив, оказываются на другой стороне, на стороне стерильного, бездействующего, бесстрастного сверх-бытия — на поверхности вещей: идеальное и бестелесное теперь может быть только «эффектом» [3, с. 17]. И, наконец, глубинные процессы, когда весь организм встаёт на защиту, когда традиция считает себя уязвлённой, то подключается «иммунитет» традиции, который мы назовём антимодернизмом. Термин «антимодернизм» использовался в литературе и ранее, но формулировка его в литературе крайне размыта. Большей частью он ассоциируется с религиозной критикой модернизма (монизма Спинозы, картезианства Декарта и т.д.).

Антиномия между традицией и модернизмом происходила всегда (как, например, между осёдлым и кочевым образом жизни) и будет происходить впредь. Естественно, что эти обе категории онтологически важны (как две составляющие процесса) в одинаковой степени: традиция отвечает за выживаемость человечества и не позволяет ему погрузиться в полный хаос, в свою очередь, модернизм заставляет эволюционировать культуру. Постмодернизм и антимодернизм — два посредника, которые

имеют глубокий онтологический смысл, два посредника, которые стоят на страже организма и выявляют «недоброкачественные» идеи модернизма. Идеи, которые приводят к подобным «воспалениям», напрямую связаны с познанием мира.

Познание обладает двумя важными параметрами: во-первых, оно неминуемо привносит новое и во-вторых, это новое заставляет пересматривать время от времени уже познанное. И это единый процесс, который можно разбить на несколько периодов соотносимых с выше указанными категориями. У понятий модернизм, постмодернизм и антимодернизм, как характеристик познания, много определений, они сильно отличаются и значением, и временем действия, но все они являются частными случаями определений данных выше. Чаще под модернизмом понимают период с середины девятнадцатого века по середину двадцатого, а под постмодернизмом — вторую половину двадцатого. Мы постараемся показать то, что эти процессы вневременны. Подобно тому, как воспаление раны происходит с задержкой во времени, но всегда воспаление следует за раной, независимо от возраста больного. Иначе говоря, модернизм, постмодернизм и антимодернизм присутствовали всегда, с момента начала культуры, но особо стали заметны в последние два века. Когда Михаил Лившиц в 1966 году писал обращение «Почему я не модернист», то в нём он определил модернистов, как бунтарей, жаждущих безумной жизни. Лившиц посчитал, что и творчество Анри Бергсона явилось одной из причин политических бунтарств двадцатого века. Но жажда познания является естественной тягой и по закону сохранения энергии, пассионарная энергия идёт либо на политические бунты, либо на творческие порывы. Действительно, интенциональность модернистов, выстраивающих новые нарративы всегда вызывающа. Картезианство тоже когда-то воспринималось традицией как модернизм.

Общепринятая точка зрения о постмодернизме, как усталостной реакции в виде критики на модернистские интенции тоже не совсем корректна «постмодернизм — это и есть начало эры победившего либерализма, когда ничего принципиально нового сказать уже нельзя. Остаётся лишь цитирование» [14]. Позитивный модернизм объективно присущ человеку, как и его критика. Антимодернизм, как проявление консерватизма, также противопоставляется модернизму. Постмодернизм и антимодернизм необходимы как разные проявления критики для соблюдения баланса сил.

О проблеме быстротечности философских представлений, кратко и ёмко, написал Александр Дугин, защищая, одно из течений, порождающих антимодернизм, — традиционализм: «сегодня и сами европейцы, которые когда-то (ещё лет 10 назад) всё отлично понимали, перестали

понимать, что имели в виду Делёз или Лакан, поскольку полностью сменились базовые метаязыковые вехи» [14]. Но в каком-то смысле это не важно, и Делёз и Лакан выполнили свою функцию, представив свои идеи, которые были интегрированы в общий контекст имманентного и в итоге достаточно сложно определить их статус (они были против отнесения себя к постмодернистам). Существенно из этого, то, что, если в эпоху средневековья и раньше, смена парадигмы происходила крайне редко, то в последние три века, это происходит значительно чаще. В этой работе мы попытаемся на основании общей модели (расширяющегося шара имманентного) эксплицировать общность этих понятий и таким образом, возникнет цельность представления о них, не зависящая от параметра времени. В каком-то смысле, эта работа выполнена в духе традиционализма, следуя Рене Генону, поскольку все использованные метафоры подсмотрены у природы, а далее, пользуясь теорией общих систем Людвиг фон Берталанфи и его категориальным изоморфизмом, мы расширяем онтологию процесса до всеобщности.

Эпистемология и гносеология являются сопряжёнными понятиями и граница между ними размыта. Наша модель помогает увидеть эти границы более чётко. В её рамках эпистемология — это геометрия знания, в свою очередь, в гносеологии содержится динамическая составляющая, которая отвечает за её эволюцию и тогда, помимо геометрических координат в семантическом пространстве появляется временная координата. В описанной модели, гносеология — это более широкое понятие, отвечающее за единое семантическое пространство-время. Или, иначе говоря, эпистемология — это *сущее знания*, а гносеология — это *его бытие*.

Можно попробовать представить имманентное в виде шара, окружённого трансцендентальным, ещё не познанной субстанцией. Имманентное в процессе эволюции универсума расширяется, поглощая трансцендентальную составляющую бытия. В период до появления человека экспликация трансцендентального происходила случайным образом: так были синтезированы в ядрах звёзд сложные атомы из атомов водорода, с последующим появлением сложных молекул — аминокислот и возможно затем жизни. В этот период происходило самопознание универсума — его автономная, случайная эволюция. С появлением человека направление мысли и, соответственно, синтез новых знаний приобрёл нарративный характер — он начал происходить осмысленно. О новой интерпретации антропного принципа, о том что человек был создан как катализатор эволюции описано в нашей работе «Удивление творчеством порядок» [12]. На протяжении всей человеческой истории, вплоть до девятнадцатого века, учёные пытались прояснить априорные и апостериорные факты данные нам в чувственном виде.

то возникнет жидкостной канал и вслед поверхностное натяжение, стремящееся выровнять перепад давления. Жидкость начнёт расправляться. Поверхностное напряжение расширит образовавшийся перешеек, в конце концов, выровняв напряжение (данное описание корректно в отсутствии сторонних сил, типа гравитации). В области семантики за поверхностное натяжение ответственен постмодернизм. *Он, с одной стороны, отталкивается от смыслов, созданных модернизмом, с другой стороны, пытается нивелировать их, выравнивая семантическое напряжение. Выравнивание напряжения — это структурная деградация, объективный феномен. Этот процесс протекает до тех пор, пока идея не прояснена до конца.* Но если идеи по Платону абсолютны, то их критика (диалектика) его учениками, которая возникает в результате семантического напряжения неминуемо становится субъективной. Крайняя субъективность — это одно из общепринятых определений постмодернизма. Необходимо признать, что граница, где объективность становится субъективной размыта, поскольку сами вещи или теории в процессе культурной эволюции приобретают субъективный «окрас». (Например, роза выращенная в теплице отличается от лесной розы).

Гносеологические процессы по «нивелированию» смысла схематично показаны на рис. 1

На рис. 2 показан интересный эффект возможной эволюции идеи.

Подобно тому, как если отодвинуть палец от поверхности жидкости очень далеко, то структурный перешеек может порваться, образуя отдельную каплю, так и сильная идея, но мало коррелирующая с классическими представлениями, может оторваться от области имманентного и начать выстраивать собственную семантику, до тех пор, пока их области не пересекутся и тогда они «солятся» в единую структуру (подобным образом модернистская теория струн в физике долгое время рассматривалась как фантазмагория).

Постмодернисты в основе своей возражают против цельного и тотального в модернизме, идущего ещё от классики, «большинство видных постмодернистов выбирают в качестве оппонентов что-то из нижеследующего или всё: тотальность и единство, истоки и присутствие, эссенциализм и реализм, универсализацию и однородность» [5, с. 106]. Но как ветру будет нечего разрушать, если в результате тектонического давления не образуются горы, так и постмодернизм останется без смыслов, от которых он отталкивается, в отсутствие модернизма. (Ветер в отличие от постмодернизма пострадает меньше). В заключительной период, когда все градиенты выровнены и процесс переходит в равновесную фазу, смысло-

вая эволюция напоминает броуновское движение, когда происходит «самоедство» и подменяются одни смыслы другими, без общего прояснения картины бытия. Конечно это тоже движение, но мало эффективное. Ещё Эйнштейн установил, что при броуновском движении частица удаляется от первоначального состояния по закону, как корень из длины общего пройденного пути, т.е. ничтожно. Следовательно, броуновское семантическое движение не в состоянии эксплицировать новый смысл, но за счёт кружения порождает диалектическую двойственность, что позволяет лучше проявить смысл модернистской идеи и обеспечить её «впитывание» универсумом.

Время необходимое для выравнивания модернистского всплеска определяется его высотой и может быть от года до столетий в зависимости от когнитивности идеи. Этот период имеет онтологический смысл — он определяет время эффективной жизни метафоры, раскрывающей идею.

Как и в модели физического шара, где есть поверхностные эффекты и есть глубинные, помимо процессов, происходящих на границе трансцендентного и имманентного, имеются процессы идущие внутри уже познанного. Они подобны случайным флуктуациям, происходящим внутри жидкости. Процессы в ней вызваны выравниванием энергетических градиентов, поступающих снаружи, которое осуществляется посредством броуновского движения молекул. Подобно этому новые смыслы, возникающие на семантической границе, порождают не только новую поверхностную семантику, но и заставляют пересматривать глубинную старую, перераспределяя семантический поток и образуя «броуновское» смысловое движение. *Гносеологические процессы меняют топологию знания. Происходит реформатирование семантики, приводящее к новой эпистемологической картине. Подобные процессы характеризуют собой антимодернизм. Делёз постоянно апеллирующий к стоикам писал о разности процессов происходящих на поверхности и в глубине «стойки оставляют место свободе двумя взаимодополнительными способами: один раз на внутренней стороне судьбы как связи причин, а другой раз на внешней стороне событий как связь эффектов» [3, с. 15]*

Поверхностные эффекты приводят к парадоксам — «семантическим складкам», принципиально отличающимся внутри и на поверхности семантики. Они могут быть двух типов: псевдоскладки, образующиеся внутри семантики, вызванные круговым «броуновским» движением, о чём было сказано выше и поверхностные складки, которые имеют онтологический смысл. *Их можно разбить ещё по другому: объективные и субъективные.* Поверхностное гносеологическое выравнивание приводит к появлению семантических складок, подобно тому как

волна на поверхности воды, которая образуется при выравнивании разности давлений, захлёстывается. И в такой момент в представлении исследователя сосуществуют несколько истин одновременно. Подобные процессы эксплицируются в виде парадоксов. «Парадокс — это смещение глубины, выведение события на поверхность и развёртывание языка вдоль этого предела» [3, с. 15].

Большинство парадоксов, связанных с пониманием чего-либо и с проблемой истинности, обусловлены тем, что человек при помощи конечных инструментов пытается эксплицировать континуум. Алгебраическая теорема Гёделя говорит о том, что насколько бы каузально ни выстраивались суждения, они приведут к появлению противоречивых или недоказуемых утверждений. Лингвистическая теорема Патнэма говорит о схожем, о том, что изменение референции оставляет её истинностное значение без изменения [6, с. 310]. Она говорит о том, что к истине можно прийти разными путями. Для того чтобы избежать подобных противоречий необходим бесконечный контекст прояснения какого-либо высказывания. К примеру, если экстенционалом предиката «человек» является класс людей, то его интенционалом будет свойство «быть человеком». Но для того чтобы определить, что значит «быть человеком» необходим бесконечный контекст прояснения.

Для максимально точного выражения сути высказывания человек прибегает к разным приёмам, он пытается вычленивать главные черты или передать особенности через детали или он пытается выхватить некую цельность (структурализм). Способы выражения также могут быть разные, это и философия, и математика, риторика и художественные произведения, которые, в свою очередь, могут быть от грандиозных романов, созданных для прояснения одной мысли (Толстой, «Война и мир») до фрагментарных текстов (Камю, Ницше). Все они пытаются верифицировать некий тезис или концептнекой идеи. Все эти произведения, можно назвать различными проявлениями философии, пытающейся создать контекст вечно ускользающей истины. И хотя постмодернизм ассоциируется с фрагментарностью, исходя из указанных выше теорем Гёделя и Патнэма, любое произведение является фрагментом реальности, поскольку оно не в состоянии создать абсолютно цельный образ. *Разница между различными описаниями в амплитуде гносеологической волны, поскольку и постмодернистская критика — это тоже всплески, но меньшего формата на сингулярном пике модернизма.*

Философия

Во всех четырёх понятиях: традиции, модернизма, постмодернизма и антимодернизма есть одно объединяющее начало — это философия. Попробуем представить

эпистемологию, изучающую структуру знания как его геометрию. Можно попытаться ввести семантические координаты и метрику в этом пространстве. Тогда подобно физическому пространству, которое соединяет все физические объекты в единый контекст, философия будет тем пространством, которое соединяет разрозненные тексты в общее описание мира. Подобно тому как пространство эксплицирует границы вещей, так и философия эксплицирует тексты, создавая для них контекст. Подобно тому, как геометрическое пространство, о чём писал и Хайдеггер, появляется вместе с взаимодействием вещей, так и философия появляется вместе с взаимодействием смыслов. Философия подобно швее шивает различные лоскутки, которые могут быть разного масштаба, от заплатки до воротника. Здесь и поэзия и проза и философские и научные концепты. Она подобно формированию три D семантической модели помогает развернуть сложный изучаемый объект и рассмотреть его со всех сторон. Подобные «сцепки» обладают качеством эмерджентности, потому что линейной логикой соединить такие «лоскутки» невозможно.

Одно из определений философии дал Мамардашвили, когда писал о том, что философия пытается понять, почему же есть нечто, а ни ничто. «То есть удивительно то, что есть нечто. Что под этим понимается? — Порядок. Нечто упорядоченное. Удивительно, что есть нечто, а не хаос. Потому что должен был бы быть хаос» [8, с. 22]. Но, очевидно, что нечто, тогда поддается описанию, когда оно имеет структуру (описываться может либо структура, либо её отрицание). В той же работе Мамардашвили пишет, что философские суждения, в отличие от научных законов, не сохраняются во времени, они этим временем размываются. И новому поколению каждый раз приходится выстраивать философию заново. Новое поколение осваивает новые способы мышления и, следуя историческому моменту, привносит новый контекст в старые смыслы. «Я могу привести десятки примеров, и все они будут свидетельствовать о том, что философию, в связи с этим интересуют такие вещи, которые приходится обсуждать всякий раз в новой ситуации» [8, с. 51]. И это несохранение важно онтологически, оно позволяет не заикливаться, а время от времени переформатировать семантику. И это переформатированное знание, его новое сущее, определяющее уже новую эпистемологию, осуществляется за счёт бытия знания, за счёт гносеологии.

Возвращаясь к модели семантического шара и дополняя её, опираясь на вышесказанное, получим то, что шар имеет неоднородную структуру. Его необходимо представить состоящим из «каркаса» знания и «клубящейся» вокруг «жидкой, шарообразной субстанции» понимания. Очевидно, что каркас состоит из науки (описания идей), а субстанция из философии (актуализации этих идей в различных контекстах имманентного). *Каждый раз,*

когда человек используя некие законы, раскрывает их в новом, своём контексте, он формирует новую философию. (Например, волна — это знание о некоей абстрактной структуре. Морская волна, световая волна, эмоциональная волна — это знание в контексте, что обеспечивает понимание и формирует философию либо поэтического произведения, либо научного концепта).

Как уже упоминалось, семантические складки могут быть двух видов: это внутренние, образованные диалектическим, риторическим, броуновским движением мысли антимодернизма и поверхностные, модернистские, которые эксплицируют парадоксы столкновения имманентного и трансцендентального. Внутренние приводят к переформатированию семантики и не несут ничего принципиально нового. Поверхностные семантические складки разрешаются через расширение контекста — через постмодернистскую критику, через актуализацию потенциального. Потенциальность — это вмешательство континуума трансцендентальности в имманентное, приводящее к многозначности картины мира. Поясним это на примере. Ёлка — это знание. Данное слово несёт с собой весь континуальный шлейф знаний, установленных в связи с ним, на протяжении всей истории. Ёлка, растущая на Урале, это традиция. Ёлка, растущая в пустыне, это противоречие, оксюморон, отвергающий классическое представление о зоне её произрастания, это то, что можно было бы назвать модернизмом в виде сюрреализма. Но ёлка, растущая на территории оазиса в пустыне — это потенциально возможная жизнь. Модернистская картина превратилась во вполне возможный, хотя и редкий постмодернистский пейзаж. Отсутствие смысла или его наложение имеют одну природу, они устраняются добавлением контекста. Помимо эпистемологического парадокса, может наблюдаться и гносеологический парадокс: философия, проясняя законы модернизма, кажется изначально противоречивой, но после появления соответствующего языка и расширения контекста, она приобретает дискурсивную структуру. Спустя определённое время, когда герменевтики истолковывают фрагмент философии, уже после «расправления семантической складки», часто бывает сложно понять, где же нарушалась каузальность.

Потенциальность позволяет рождаться новым смыслам модернизма (то что не запрещено — то разрешено). Но если в природе действует множество онтологических запретов, например, запрет Паули в квантовой физике, то в искусстве человек часто выстраивает концепты, которые не супервентны бытию (зелёная лиса). Хотя, с другой стороны, отсутствие супервентности может быть мнимым — возможно, оно появится в будущем, возможно, субъект, сформировавший новый концепт, опередил естественную эволюцию (генная инженерия породит лису с зелёным мехом). В этом проявляется онтологическая

особенность человека, в отличие от природы, он, может, предвидя пути развития (каузальную цепочку изменений), пропускать часть звеньев и выстраивать нарратив, который имеет сингулярные особенности (вся современная генетика). *Парадоксы могут быть синтетической природы, а могут быть искусственными. Вслед за этим концепты также могут быть синтетическими либо искусственными. Прояснения синтетических концептов со временем интегрируются в общую картину бытия, искусственные уходят в небытие.*

Волны модернизма, эксплицируя новые, глубинные основы бытия (теория струн в физике) размываются «поверхностным натяжением» постмодернизма и переходят во внутреннее движение «толщи» философии, приводя к тавтологичным, риторичным циркуляциям антимодернизма. Энергетические «всплески» модернизма переходят в «множественное движение» постмодернизма, окончательно «рассеиваясь» в антимодернизме. Но иногда эти «всплески» достигают такой силы, что могут менять культурную парадигму и в такой момент в движение приводится не только «жидкая» субстанция философии, но и «стволовой каркас», скрепляющий семантику. В такие моменты происходит парадигмальный пересмотр всего (эмерджентность новой парадигмы качественно отличает её от предыдущей): и науки и поэзии и музыки и изобразительного искусства (например, стиль барокко пришёл во все области искусства). Подобным образом происходят, как это описывал Томас Кун, научные революции [4]. Из этой модели видно, что модернизм, постмодернизм и антимодернизм возникают почти одновременно. Они только запаздывают, друг относительно друга, на некоторый период времени. Подобно тому как практически одновременно возникают трагедии и комедии в Древней Греции. Одна без другой не может существовать. И здесь схожая ситуация как с модернизмом и постмодернизмом. Основные модернистские смыслы порождает именно трагедия. Комедия отталкивается от трагедийных смыслов, переворачивая их и делая неестественными. Критике очень часто присуща ирония. «Заметьте, что все три постмодернистские теории (антиреализм, антиэссенциализм, антиосновность) построены на отрицании» [5, с. 51].

Необходимо отметить, что как и модернистские теории: структурализм, холизм, эссенциализм, фундаментализм пытающиеся выхватить некие цельные образы, так и постмодернистские течения: антиреализм, антиэссенциализм, антиосновность, описывающие смысловые фрагменты, не могут описать весь континуум бытия. Этот процесс напоминает попытку построить башню на земле, чтобы приблизится к солнцу. С одной стороны, находясь на башне, интуитивно ощущаешь, что стал к солнцу ближе, с другой стороны, разум подсказывает о тщетности задуманного. Не сопоставить конечное и бесконечное, имманентное и трансцендентное. Но не смотря на эту

тщетность, с ростом башни, дальность видения человека растёт, он наблюдает всё большие корреляции и в пространстве и во времени.

Гносеологическая системность

Модель семантической сферы имеет большую когнитивную силу и при помощи её можно разобрать множество философских представлений из области эпистемологии и гносеологии. Сам факт возможности применения модели нам позволяет сделать Людвиг фон Берталанфи, который в работе «Исследования по общей теории систем» [1] выявил онтологический изоморфизм различных систем из области естественных наук, социологии и экономики. Изоморфизм может быть локальным, отображающим частичную схожесть (красный как кровь) и всеобъемлющим, передающим онтологию процесса. Например, концепция трансперсональной психологии использует метафору человека как компьютера, присоединённого к интернету универсума и успешно применяет её. Во всех случаях инструментом для передачи изоморфизма является метафора (модель), обладающая определённой когнитивной силой [9]. Метафора на наш взгляд более широкое понятие, чем модель (например, через неё можно передавать ценностные взаимосвязи, типа справедливости). В случае полного изоморфизма системы ведут себя онтологически тождественно (морская волна, световая волна, поэтическая волна).

Мы расширили список сущностей, которые можно рассматривать системно в работе «Аналитический и синтетический этапы эволюции произвольных систем: онтологические особенности и характеристики» [10], включив в него ментальные концепты, и в том числе поэтические. Поэзия, с одной стороны, является самой важной порождающей областью семантики. Именно поэты эксплицируют большинство смыслов, обладающих высокой когнитивной силой (Множество примеров сильных поэтов-философов: Гомер, Софокл, Данте, Ломоносов, Ницше, Хайдеггер). С другой стороны, в отличие от прозы, поэзия обладает высоким уровнем системности. Под системой понимается концепт, который можно описать при помощи ряда инвариантных во времени параметров. Системность поэзии придают такие параметры, как: размер, схемы рифмовки, лексика (например, три штиля Ломоносова). И если модерн породил множество новых концептов силлабо-тонической, а затем тонической поэзии, то постмодерн эти же концепты планомерно деконструировал, внося хаос в поэтические конструкции, низведя их в двадцать первом веке до верлибра. Одновременно создавались постмодернистские произведения написанные в классической форме, но деконструирующие смысл, поскольку помимо параметров формы, также имеются параметры содержания концепта: смысловая насыщенность концепта, смысловая корреляция.

И в этом вопросе также направления модернизма и постмодернизма диаметрально противоположные. Если модернистский смысл один и он обладает большой когнитивной силой, то поверхностное семантическое натяжение рассыпается на множество постмодернистских отрицаний, переходящих в глубинные поэтические произведения антимодернизма. В большинстве случаев, подобно тому, как комедия сопровождает трагедию, критику и отрицание сопровождает ирония или юмор. *В контексте литературы, антимодернизм делится на две группы: первая — это традиционная критика и вторая, активно использующая иронию как инструмент, для обозначения которой мы будем использовать термин антилитература.* И в этом проявляется их схожесть с постмодернизмом. «Юмор — искусство поверхности, противостоящее старой иронии — искусству глубины и высоты» [3, с. 51]. Ирония, как проявление высоты — высокомерия, в отличие от юмора, чаще бывает злой.

В работе «Волновая природа поэзии: онтологический и функциональные аспекты» [11, с. 32] было показано, что поэтическая мысль развивается волновым образом, взаимодействуя с тезами и антитезами, имплицитно содержащимися в рифмах, о чём писал Юрий Лотман [7, с. 108]. Поэтический текст, благодаря начальной строке, соприкасающейся в той или иной мере с бытием, порождает волну, распространяющуюся в семантическом пространстве. «Волна является непрерывным распространением в пространстве с течением времени возмущения некоторой величины (изменение состояния среды). В случае с поэтической волной, пространство — семантическое, а возмущение — смысловое» [11, с. 146]. Поэтическая волна несёт в себе модернистскую идею того нового, что задумал автор. Но как известно, из физики в гармонической волне содержится минимум информации. Для повышения информативности в поэтическую волну вносятся нарушения (модуляция), которая является экспликацией постмодернистской диалектики. В работе «Волновая природа поэзии: онтологический и функциональные аспекты» [11] показано, что информационная плотность в поэтическом тексте обеспечивается модуляцией несущей волны, при помощи рифм, поэтических приёмов, метафор. Радиоволна, в которой уровень модуляции становится критическим, превращается в шум. Так и в поэтическом тексте возможен риск рассыпания структуры и утеря формы несущей семантической волны.

Таким образом, мы эксплицируем изоморфизм процессов физических и семантических: физический шар и волновые физические процессы на его поверхности и в глубине, семантический шар и волновые поэтические процессы модернизма и постмодернизма на его поверхности и антилитературы в его глубине изоморфны друг другу.

Модернизм, постмодернизм,
антилитература в поэзии

Неустанное желание человека «построить башню, чтобы достичь солнца», порождает множество новых модернистских концептов поэзии. Первые модернистские идеи не только в поэзии, но и во всём искусстве появились гораздо раньше девятнадцатого века (оды Гомера, экзистенциализм Каттула, басни Эзопа, силлабо-тонические стихи Тредиаковского и т.д.). Но максимально эта тенденция проявилась именно в девятнадцатом веке, как уже указывалось, за счёт активного перемещения людей и смешения смыслов, порождённых разными народностями. Нарушения в поэтические системы поэты вносили с того момента как эти системы были созданы. Вплоть до девятнадцатого века большей частью нарушались смысловые ограничения, форму поэты старались выдерживать. Например, можно вспомнить критику Василием Тредиаковским Михаила Ломоносова за употребление неестественных смыслов, нарушающих традиционную семантику, притом сам Тредиаковский начал активно нарушать конструкции русского языка, используя инверсии. В рамках нашей метафоры «шара имманентного» несложно представить две модернистских идеи, далеко выдвинувшихся в область трансцендентального, и, поэтому имеющих слабое семантическое переплетение друг с другом, в отличие от смыслов находящихся внутри шара. И, поэтому поэты, обладающие такими идеями, не понимали друг друга. Начиная с девятнадцатого века началось активное нарушение формы (яркий новатор в этом был Маяковский).

Гораздо сложнее придумать новые смыслы, формирующие несущую волну: теорию трёх штилей, новый размер, перейти от силлабической к силлабо-тонической поэзии, чем вносить в них нарушения. Поэтому идеи модернизма и постмодернизма отличаются когнитивной силой в пользу первого. *Смысл, эксплицированный поэтом-модернистом и порождающий поэтическую волну имеет синтетическую природу. Поэтическая волна в дальнейшем развивается за счёт диалектики рифм и метафор. Когда же эта диалектика меняет статус с объективной на субъективную, то появляется фрагментарность постмодернизма и текст часто становится искусственным.*

Как показано в работе [11, с. 149] авторский рисунок модуляции поэтической волны делает поэтическое произведение уникальным. Модуляция являет собой смесь в определённых дозах модернистской идеи, постмодернистского авантюризма и антимодернистского скепсиса. Анализируя хорошую поэзию, Ю.М. Лотман считает, что поэт, с одной стороны, должен генерировать гармоничную поэтическую волну, которая супервентно инициирует аналогичную у читателя, только при этом условии возможно сформировать дискурсивный контекст, с дру-

гой стороны, она не должна быть идеальна, в ней должна быть модуляция. «Вывод: хорошие стихи, стихи, несущие поэтическую информацию,— это стихи, в которых все элементы ожидаемы и не ожидаемы одновременно. Нарушение первого принципа делает текст бессмысленным, второго — тривиальным» [7, с. 534]. Читатель испытывает эмоциональный подъём, когда на месте предполагаемой тавтологии, он обнаруживает что-то необычное. Но семантическое преломление должно происходить за счёт эмерджентности текста, а не за счёт принудительного «ломания» мысли. Отрывок из постмодернистской поэзии Елены Оболишты с активной амплитудной, смысловой модуляцией, где смешиваются ветхозаветные смыслы с бытовыми. Библейские смыслы тоже некогда были модернистскими, но поскольку они обладают максимальной энергетикой, то этопо-прежнему излюбленная тема для критики постмодернистами:

*Воздухоплавание садов
с веревки бельевой.
Мы входим в воздух без голов,
как в ночь влывает Ной,
мы носим руки вдоль земли,
где нищее зерно
и где полжизни провели
со смертью в домино.*

Постмодернизм, берущий свою энергию из смыслов модернизма, передаёт её вглубь семантики посредством процессов антимодернизма, которые можно рассматривать как закрытые процессы, идущие с увеличением энтропии. Эффективно передавать энергию можно только в случае сонаправленности потоков и поэтоумантилитературе, как и постмодернизму присуща ирония. Эволюция концепта антилитературы, как и многих закрытых процессов, которые происходят в глубине семантики, подобно броуновскому движению, представляет собой рассыпающийся «бег по кругу». Как, например, движение маятника в вязкой среде. И, если традиционализм, также порождающий антимодернизм, имеющий связь с природой, становится со временем «плотнее», его объективные смыслы звучат жёстче, хотя и тавтологично, то ментальный концепт антилитературы, замыкающийся в себе, не взаимодействующий с окружающей его семантикой, имеющий субъективную, искусственную природу, смысл риторики, софизма, распадается.

В таком процессе отсутствует развитие, хотя в каждой новой строке лексика меняется, смысл остаётся. Он симметричен, в нём нет природной асимметрии, которая приводит к динамике. Георгий Гачев в своей работе «Гуманитарный комментарий к физике и химии» [2] писал, что отражение, рефлексия — это нарциссизм, а Нарцисс очень ограничен в поле своей деятельности. Пример, такого текста отрывок из стихотворения В. Кальпиди, где

вновь поднята тема Бога и критикуется невыносимость земной жизни:

*Вчера я подумал немного
и к мысли простейшей пришёл:
в раю отдыхают от Бога,
поэтому там хорошо.
От веры в Него отдыхают,
от зелени жизни земной,
где ангелы, как вертухаи,
всё время стоят за спиной.*

Таким образом, антилитература, это произведение без внутренней философии, построенное на тезах и антитезах, образующих каузальную цепочку, замкнутую в своей семантике, имеющую ироничный, субъективный, короткоживущий контекст.

«Встает вопрос, ЧТО такое АНТИЛИТЕРАТУРА? — такой текст, лишенный сильных модальных идей «необходимым быть/должным быть», выражающих идею объективного и субъективного долга, оказывается пустым, фрагментарным, самоцельным. Он описательный, статичный, с большим количеством отступлений, т.е. нарушением функциональности» [13].

Заключение

Подытоживая, хотелось бы повторить, что каждая из категорий: классика, модернизм, постмодернизм, антилитература являются объективными составляющими гносеологического процесса и формируют определённые семантические связи, благодаря которым, мы можем выстраивать философский контекст. Первоначально появляется модернистская идея, которая в следующий момент подвергается постмодернистской критике, что собственно отображено в приставке «пост», и, затем, энергия дискурса переходит вглубь семантики, где антимодернизм, подобно «иммунитету» традиционализма, защищает его, пропуская только жизнеспособные идеи. Хотя основной каркас «шара имманентного» выстраивается за счёт традиционализма и модернизма, концепты постмодернизма и антилитературы, несмотря на короткоживучесть, вносят свой вклад в семантику, подобно тому как онтологический смысл в физике имеют и все короткоживущие частицы, типа мезонов, хотя в строении материи они не принимают участия. Но, возможно, без них вселенная бы «осыпалась». Возможно, подобно загадочному бозону Хиггса, который нарушая симметрию в вакууме, придаёт массу всем остальным частицам, так и антимодернизм, как и вся риторика придаёт массу и инертность всей семантике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берталанфи К. Исследования по общей теории систем [Текст] / К. Берталанфи — М.: Издательство Прогресс, 1969. — 520 с.
2. Гачев, Г. Гуманитарный комментарий к физике и химии [Текст] / Г. Гачев — М.: Логос, 2003. — 512 с.
3. Делёз Ж. Логика смысла [Текст] / Ж. Делёз — М.: Академический проект, 2015. — 472 с.
4. Кун Т. Структура научных революций [Текст] / Т. Кун — М.: Издательство АСТ, 2015. — 320 с.
5. Харт К. Постмодернизм [Текст] / К. Харт — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. — 272 с.
6. Лакофф Д. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении [Текст] / Д. Лакофф — М.: Гнозис, 2011. — 512 с.
7. Лотман Ю. М. Структура художественного текста [Текст] / Ю. М. Лотман — М.: Издательство «Азбука», 2015 г. — 704 с.
8. Мамардашвили М. К. Необходимость себя [Текст] / М. К. Мамардашвили — М.: Издательство «Лабиринт», 1996. — 432 с.
9. Печёрская, Н. В. Знать или называть: метафора как когнитивный ресурс социального знания [Текст] / Н. В. Печёрская — журнал Полис, Политические исследования. 2004. № 2. С. 93–105
10. Стригин М. Б. Аналитический и синтетический этапы эволюции произвольных систем: онтологические особенности и характеристики. [Текст] / М. Б. Стригин. — Современный учёный № 8, 2018. С. 31–39
11. Стригин М. Б. Волновая природа поэзии: онтологический и функциональные аспекты. [Текст] / М. Б. Стригин. — Балтийский гуманитарный журнал Том 7 № 2(23), 2018. С. 146–153
12. Стригин М. Б. Удивление творчество порядок. [Текст] / М. Б. Стригин. — Фундаментальные аспекты психического здоровья, 7 № 2(23), 2018. С. 146–153
13. Тодорова Л. А. С. Пушкин — основоположник русской антилитературы [Текст] / Л. Тодорова — Великороссь — 08. 2013 г.
14. Дугин А. Г. Философия традиционализма. — [Электронный ресурс]. — Режим оступа: <http://www.klex.ru/a5e> (дата обращения 25.09.2018)
15. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5521> (дата обращения 27.07.2018)

© Стригин Михаил Борисович (strigin69@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»